

КСЕНИЯ А. ЧЕРКАЕВА

Массачусетский технологический институт, Кембридж, США

ЕЛЕНА Н. ТИПИКИНА

Борей Арт Центр, Санкт-Петербург, Россия

Межвидовая любовь помимо устава: служебные собаки Ленинградского фронта и их вожатые-саперы

doi: 10.22394/2074-0492-2019-3-159-185

Резюме:

Учетная карточка щенка немецкой овчарки, родившегося в блокадном Ленинграде, была случайно найдена в пакете с канцелярским мусором и теперь хранится в государственном архиве. История этого документа открыла наше исследование межвидовых отношений людей и служебных собак в экстремальных условиях войны и блокады. Факт содержания нескольких сотен крупных служебных собак в осажденном городе долго не оглашался: их спасение считалось неэтичным по отношению к памяти ленинградцев, погибших от голода. Тем не менее породистые собаки, собранные у гражданского населения осенью 1941 года, пережили самое страшное «смертное время» первой и второй блокадной зимы в инженерной воинской части, где они и их вожатые обучались новаторскому методу поиска мин. Саперы с собаками быстро прославились на Ленинградском фронте: они обнаруживали не только мины, но любую взрывчатку, в том числе потайную диверсионную. Наша статья открывает новый ракурс этой истории. Советская теория дрессировки базировалась на «научно-объективном учении о рефлексах». Мы же показываем практическую сторону этой методики: использование служебных собак в военных целях опиралось в первую очередь на личную эмоциональную взаимную приязнь каждого вожатого и его собаки. Формально оставаясь инженерным имуществом, минорозыскные собаки выступали в роли самостоятельных исторических акторов, довери-

159

Черкаева Ксения Андреевна — PhD, преподаватель антропологии в Массачусетском технологическом институте (MIT), Кембридж, США. Научные интересы: пересечения моральных обязательств и имущественных прав, теория хозяйственных экономик, история социалистических законов о собственности. E-mail: xenia.cherkaev@protonmail.com

Типикина Елена Николаевна — публицист, автор статей, очерков, лекций, радиозфиров и телепередач о роли и судьбах животных в человеческой истории. E-mail: pikinati66@protonmail.com

тельных партнеров человека. Наше исследование посвящено тому, как сталинская система, не вторгаясь в интимную область личных отношений людей и служебных животных, тем не менее планировала и поощряла такую межвидовую приязнь в военизированных государственных учреждениях, где все было подчинено идеологическому влиянию. Все, кроме врожденного видового поведения самих военных собак.

Ключевые слова: межвидовые коммуникации; военные собаки, немецкая овчарка в СССР, животные в блокаду, Всеволод Языков, Осоавиахим, женщины-саперы

Xenia A. Cherkaev

Massachusetts Institute of Technology (MIT), Cambridge, MA, USA

Elena N. Tipikina

Borey Art Center, St. Petersburg, Russia

Interspecies Love Beyond the Field Guide: Mine-Detection Dogs and their Handlers on the Leningrad Front

Abstract:

A pedigree of a purebred German Shepherd born during the Leningrad blockade was accidentally discovered amidst office waste — and now lies safely stored in a state archive. Our study of the interspecies relationships forged between humans and service dogs in the hardship of blockade and war begins with this document. The story of the several hundred large dogs that survived the Leningrad blockade has long remained untold: the dogs' survival seemed unethical in relation to the memory of people who died of starvation. These pedigreed dogs were collected from the civilian population in the fall of 1941 and survived the first and second blockade winters in a military engineering unit where they and their handlers were trained to detect hidden explosives. Our article opens a new history of these mine-dog units that quickly became famous on the Leningrad front. It is known that the soviet theory of dog training was based on the “scientifically-objective theory of reflexes.” We show the practical side of this method: the use of service dogs for military aims rested, we argue, on the personal affectionate bonds formed between dog and handler. While formally remaining a military technology, mine-detection dogs acted as humans' trusted partners and independent historical actors. We show how the centralized Stalinist system, without invading intimate personal realms of interspecies affection, nevertheless planned for and encouraged such affectionate ties in

160

Xenia A. Cherkaev — PhD, Instructor of Anthropology at the Massachusetts Technological Institute (MIT), Cambridge, MA, USA. Scholarly interests: intersections of moral obligations and property rights, theories of household economies, history of socialist property law. E-mail: xenia.cherkaev@protonmail.com

Elena N. Tipikina — essayist, writer. Author of many articles, essays, lectures, and broadcasts about interspecies translation and the role of animals in human history. E-mail: pikinati66@protonmail.com

militarized state institutions, where most everything was subordinated to ideological influence: most everything, except the innate species-specific behavior of the dogs themselves.

Keywords: Interspecies communication; Military dogs; Soviet German Shepherd dogs; Animals during the Leningrad blockade; Vsevolod Yazykov; Os-oaviakhim; Women mine clearance engineers

Межвидовая любовь помимо устава

Эта статья написана двумя людьми с разными подходами к обсуждаемому вопросу. Ксения Черкаева — антрополог, занимающаяся этикой хозяйственно-плановой экономики и юридической историей социалистической и личной собственности. Елена Типикина — писатель-анималист, публицист и опытный собаковод с 35-летним стажем.

Несколько лет назад мы стали сообща расчерчивать историю советского служебного собаководства [Типикина 2014; Черкаев, Типикина 2018]. Нас объединило влечение к собирательству и жгучий интерес ко всем тем фрагментам, обрывкам, обломкам, материальным и документальным свидетельствам, которые социалистическое хозяйство оставило после себя, как их оставляет схлынувший паводок, обнажающий на поверхности земли случайные и разрозненные артефакты. Собрав воедино множество обрывочных сведений и воспоминаний, мы надеемся очертить контуры той исторической формации, которая создавалась для взаимодействия советского человека и военной служебной собаки. Очарованные хитросплетением нитей, узлов и тенет, в которых люди и животные осмысленно или невольно взаимодействуют друг с другом и совместно создают историю человечества, мы прослеживаем, как выстраивалась система «запланированной межвидовой любви» в сталинской экономике.

Советская идеология довоенной поры представляла служебных собак как отважных и патриотически настроенных существ, самоотверженно работающих вместе со своими хозяевами на благо нового социалистического государства. Образу советской собаки-патриота уже были посвящены исследования [Byford, Mondry 2015]. Наша задача иная: исследуя прошлое сталинских государственных институтов власти и распределения, мы показываем, как на практике выстраивались и использовались отношения взаимной приязни владельцев, вожатых и их служебных собак в военизированной советской системе, где центрально запланированным и подотчетным было едва ли не все, кроме врожденного видового поведения самих собак, не поддающихся идеологическому давлению и политической пропаганде.

Щенячья карточка

Этот лаконичный канцелярский документ (рис. 1; рис. 2) примерно лет семь назад стал для нас отправной точкой, началом исторического поиска.

Над в феврале 1948 года

Форма А

**ЩЕНЯЧЬЯ
КАРТОЧКА № 1/4**

Индекс _____

1. Порода Немецкая овчарка Район _____
2. Кличка "Мур" (Мур) № _____
3. Пол кобель Район _____
4. Время рождения 28 мая/1943 Указанный в настоящей карточке щенок зарегистрирован в школе Служебного Собаководства № _____
5. Заводчик Сорос Гриниш (пол. прозвище) Ленинградская Осоволяшница Осоволяшница (обл., краев. республи.)
6. Его адрес Ташталинская 149 (отметка) Владелец щенка Коскина Ольга Дмитриевна
7. Подпись заводчика _____ Его адрес Ленинград ул. Гриниш Коскин 3 с/б/ч
м.п. Секретарь Сенции: Коскина
25 августа 1948 г. Адрес Школы: _____

СМЕНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ	ОДНОИМЕТНИКИ (бониты и осызы)		Ветосмотр	Виза зарегистрирована по книге взвоз школы за № _____ 19 г. Секретарь _____
	П О Л	№ щенячьей кар.		
1. _____	сука 1	<u>Медик</u>		ОТМЕТКА О РЕГИСТРАЦИОННОМ СБОРЕ Сбор внесен в размере Руб. ____ коп. по квитанции № _____ Секретарь _____ Сбор внесен в размере Руб. ____ коп. по квитанции № _____ Секретарь _____
	- " - "	2 <u>Марга</u>		
	кобель 3	<u>Макс</u>		
Подпись _____	- " - "	4 <u>Мурчик</u>		
	- " - "	5 <u>Мур</u>		
2. _____	- " - "	6 <u>Мурат</u>		
	- " - "	7 <u>Мамар</u>		
Подпись _____	8			

162

Рис. 1. Щенячья карточка, лицевая сторона.
Fig. 1. Mur's pedigree card, front side.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА

РОДИТЕЛИ	ДЕДЫ	ПРАДЕДЫ	ПРАПРАДЕДЫ
1 Отец "Арно" Липинский № _____	3 "Толва" Фр. Рейдлинхос № 247922	7 "Лосет" Фр. Стаус-Шюттинг № 418712	15 "Гусан" Фр. Стаус-Шюттинг № 418712 16 "Гундлингер" Фр. Вестервальдский № 209711 17 "Анна" Фр. Вестервальдский № 209712 18 "Матара" Фр. Вестервальдский № 209713 19 "Эд" Фр. Вестервальдский № 209714 20 "Бино" Фр. Вестервальдский № 209715 21 "Биле" № _____ 22 "Мария" № _____
2 Мать "Милен" Шинкало № 2521	4 "Рудва" Барановский № _____	9 "Алекс" № 1 10 "Зара" № _____	23 "Борон" Фр. Вейтцен Верден № 389 24 "Анна" Фр. Вестервальдский № 209716 25 "Эду" Фр. Вестервальдский № 209717 26 "Анна" Фр. Вестервальдский № 209718 27 "Висон" Лоса № 38 28 "Лотта" № _____ 29 "Вельо" № _____ 30 "Диса" № _____
Регистрационные пометки		Дополнительные сведения	
		Занесена в Всеобщую карточку № _____	

подписка щенячьей карточки и записей производится в установленном порядке

Ленобант 211-40 г. 113-2500-2-м ЗАУДК 2011

Рис. 2. Щенячья карточка, оборотная сторона.
Fig. 2. Mur's pedigree card, reverse side.

Внимательно рассмотрим сам документ. Стандартный бланк щенячьей карточки, заполненный убористым почерком с двух сторон, был выписан щенку немецкой овчарки по кличке Мур, владельцем указана О. Кошкина. Документ заверен личной подписью О. Кошкиной. В карточке Мура перечислены семь его однопометников, и это означает, что многочисленный (даже по меркам мирного времени) помет из восьми щенков благополучно дожил до тридцатидневного возраста: все щенки получили клички и были учтены в акте приемки, зоотехнической клубной ведомости. Щенок Мур может быть отнесен к заведомо высокоценным собакам на основании его происхождения: его родословная изобилует кличками немецких производителей (импортированных в СССР из Германии). Владелец матери щенков указан Н.Д. Успенский, проживавший на Театральной площади. В нижней части бланка содержится важная информация: «Подделка щенячьей карты и записей преследуется в уголовном порядке».

И теперь особое внимание: в документе указана дата рождения щенков — 28 ноября 1943 г. Ленинград все еще в кольце фашистской блокады. Но мать щенков Микки осенью сорок третьего была достаточно здорова и упитана, чтобы выносить и выкормить столь многочисленное потомство. Микки имела происхождение, заверенное ленинградским клубом, имела ленинградского владельца, ее не вывезли в эвакуацию. Она сумела благополучно пережить две страшных зимы, не утратив репродуктивных функций. Как известно, истощение и дистрофия приводят к бесплодию.

Зима 1941-1942-х годов известна в истории блокады Ленинграда как «смертное время». Из милицейских протоколов, из материалов исторических исследований, мемуаров и личных воспоминаний людей, переживших блокаду, мы знаем, что смертность в городе была повальной, число умерших достигало полутора тысяч человек в день. Тысячи людей, чей рассудок был ослеплен голодом, прибегали к краже продуктов и продовольственных карточек, поеданию человеческих трупов, к убийствам и каннибализму ради выживания [Яров 2013].

В связи с этим у нас возникло много вопросов. Каким образом в осажденном Ленинграде в две первые зимы выжила собака крупной породы? Кем и зачем она была поставлена в план вязок? Каким образом она полноценно питалась, если сумела выносить и выкормить столь многочисленное потомство? Кто стал владельцами учтенных породистых щенков? В представлении многих людей такие вопросы могут прозвучать с обвинительной интонацией. Плановая вязка породистой собаки, которую кормили, берегли и сохраняли в блокадное «смертное время», действительно, пред-

ставляется бесчеловечной расточительностью. Но именно такие неудобные вопросы стали поводом для начала нашего исследования. Мы не могли позволить себе дать этическую оценку этому факту, не постаравшись прежде раскрыть подноготную всей этой странной истории, до недавней поры сокрытой покровом умолчания.

Новые ноты в биографии доктора трех академий

Кем был владелец матери щенков? Как Успенский Н.Д. сумел сохранить в целости свою немецкую овчарку?

Жизнь выдающегося музыковеда, профессора Ленинградской духовной академии, литургиста-медиевиста Николая Дмитриевича Успенского не представляет загадки. Его и обширному творческому наследию посвящено множество публикаций [Стойков 2000]. Тем не менее мы нигде не нашли даже косвенного свидетельства, что Успенский был увлеченным собаководом, членом клуба служебного собаководства и был лично причастен к истории рождения немецких овчарок в блокадном Ленинграде.

164

Однако именно Николай Дмитриевич Успенский, в те годы регент Никольского кафедрального собора, соборный староста (1942–1946), ближайший сподвижник митрополита Ленинградского Алексия (Симанского)¹, и есть заводчик щенка по кличке Мур и семерых его сестер и братьев. В небольшой малотиражной книге, изданной в 2003 г. к юбилею музыковеда на средства личных сбережений вдовы профессора Веры Георгиевны Успенской, автор-составитель сообщил точный адрес проживания Успенского в довоенную пору. Адреса совпали: Театральная пл., 9/16, кв. 18 [Головатенко 2003: 20]. Старожил Клуба служебного собаководства Татьяна Михайловна Иванова уверенно опознала на фотографиях «того самого» Успенского, хозяина Микки, кто у нее в доме по направлению от клуба выбирал щенка от ее суки по кличке Гейша.

Родившаяся в 1957 г., Гейша была знаменитостью своей поры: она имела племенной класс «Элита», дважды признавалась чемпионом породы «немецкая овчарка» в шестидесятые годы, и в ее происхождении кличка Микки (владелец Успенский) повторялась трижды. Выбирая щенка для своего друга, композитора Владлена Чистякова, Успенский делал это с профессиональным пристрастием, что сразу выдавало в нем знатока породы. Но как припо-

1 Алексей Симанский, впоследствии Патриарх всея Руси Алексей I, избранный на патриаршество в феврале 1945 г.

мнила Иванова, никакие рассказы о блокаде в тот день не прозвучали, а расспросы старших младшими считались совершенно непозволительными.

В 2018 г. протоиерей Виталий Головатенко, настоятель домово́й церкви при Санкт-Петербургской консерватории, в течение многих лет общавшийся с вдовой Николая Дмитриевича, по просьбе Елены Типикиной опросил родственников и знакомых ближнего круга профессора, после чего переслал ей фото живописного портрета Микки (рис. 3). Портрет овчарки был написан по заказу Успенского и украшал стены его квартиры.

165

Рис. 3. Портрет Микки. Холст, масло.

Fig. 3. Portrait of Mikki. Oil on canvas.

О служении Николая Дмитриевича в годы войны и блокады известно следующее: в качестве старосты Никольского кафедрального собора и по поручению митрополита Алексия он активно участвовал в развернутой кампании сбора денежных средств ленинградскими верующими. Собранные денежные суммы передавались РПЦ на нужды Красного Креста, а также перечислялись на целевой

счет Госбанка для строительства танковой колонны «Дмитрий Донской». Будучи старостой Никольского собора, Успенский принимал эти пожертвования. В числе опубликованных архивных документов имеется справка о пожертвованиях церковной общины Никольского собора Ленинграда, датированная 3 января 1943 г. Общая сумма денежных пожертвований составляла 980 000 рублей. Документ заверен личной подписью Успенского [Васильева, Кудрявцев, Лыкова 2009: 59]. В декабре 1941 г. Успенский был тяжело контужен и после выхода из госпиталя получил инвалидность второй группы. О том, где в это время находилась его собака, у нас нет достоверных сведений.

Куда уводили собак ленинградцы?

166

В 2005 г. в журнале «Лев» опубликовано интервью с Елизаветой Александровной Самойлович-Ераниной, последней из оставшихся на тот момент в живых ветеранов взвода саперов ленинградской «Девичьей команды» [Заводчиков, Самойлов 1970]. Отечественную войну Еранина прошла в должности вожатой служебных минорозыскных собак и окончила фронтовую службу в звании старшего сержанта¹. «Грянул сорок первый. Мне — семнадцать. [...] За нами — мной и мамой — ходили люди и умоляли: „Отдайте, продайте собаку. У нас дети умирают от голода!“ Золотые горы предлагали, сервизы, шубы! [...] Мига мы с мамой сдали в армию — отвезли в военный питомник, который располагался в Сосновке. Его начальником была Ольга Дмитриевна Кошкина — наша учительница, начальник Школы питомника и огромный авторитет в собаководстве. Это было осенью сорок первого» [Типикина 2005: 6].

Елизавета Еранина вступила в ряды РККА весной 1942 г. сразу по достижении совершеннолетия. Ее направили районным военкоматом на службу в Сосновку. В 2005 г. она вспоминала: «Первая, кого я увидела в части, была Рита Меньшагина — моя самая близкая подруга по Клубу юного собаковеда: „Лиза! Лиза! Твой Миг здесь! В вольере, пойдем, я отведу тебя к нему!“. Это было такое счастье! Я рыдала, обняв собаку. А он скулил и вылизывал мне щеки. Командир части Петр Алексеевич Заводчиков², наш Батя незабвенный,

- 1 Согласно современным правилам русского языка слово «минорозыскной» пишется через «а»: рязыскной. Но вплоть до семидесятых годов это слово писали через «о». Чтобы избежать путаницы в тексте, мы выбрали вариант первоначального написания слова.
- 2 На базе Школы-питомника НКВД г. Ленинграда в лесопарке Сосновка в первые месяцы войны была организована постоянная приемка собак служебных пород от населения. На этой же базе был сформирован Пя-

приказал передать Мига мне. И что за чудо? В части стали собираться девчонки лет по 18-19. А командирами, старшинами были серьезные, взрослые мужики, фронтовики. Мы, инструкторы-дрессировщики, были младшим комсоставом: ефрейторами, сержантами. Учили девочек-ровесниц азам дрессировки. Нас самих командиры учили минному делу, учили очень сурово» [Там же].

Последствия голода, пережитого на гражданке, в зиму 1941 г. Ералина описывала с нескрываемым смущением: «...были такие изголодавшиеся! Мы даже, стыдно говорить, у собак в первое время тайком конину вареную (дохлятину!) подворовывали. Плачешь, прощения у собаки просишь, а сама потихоньку отвернешься и съешь кусочек из миски»¹ [Там же].

В частных разговорах со старожилами ленинградского/петербургского клуба служебного собаководства Елена Типикина часто задавала один и тот же вопрос: кто из фронтовиков когда-либо рассказывал в клубе о трудностях первых блокадных лет сосновской школы-питомника? (рис. 4). Ответ был всегда одним и тем же: никто, никогда, ничего. Жестокая изнанка блокады и история аккумуляции нескольких сотен собак крупной породы на территории осажденного Ленинграда была табуирована не только в личных доверительных беседах с ветеранами, но и в публикациях послевоенного времени. До недавней поры предание, бытующее в среде любителей собак, уверяло нас, что в городе вовсе не оставалось породистых животных, а строевой состав собак ленинградского батальона миноискателей пополнялся разномастными дворняжками, собранными с мира по нитке. Дворняжками проиллюстрирована и популярная книга для детей и юношества «Девичья коман-

тый армейский отряд собак-истребителей танков, позднее перепрофилированный и переименованный в 34-ОИБМ (Отдельный инженерный батальон миноискателей). Командиром этого воинского подразделения был назначен майор П.А. Заводчиков, прежде занимавший должность начальника Школы — Клуба служебного собаководства Осоавиахим г. Ленинграда (член руководства клуба со дня его создания в 1928 г., начальник — в 1932-1939 гг.). В 2017 г. в лесопарке Сосновка был установлен памятник военным дрессировщикам и служебным собакам Ленинградского фронта. Инициатором строительства этого общественного мемориала и защитником проекта в правительстве Санкт-Петербурга выступила Елена Типикина.

- 1 Елизавета Александровна завещала дочери сохранить плитку самодельного блокадного лакомства для поощрения собак, очень похожую на плитку столярного клея. Такие плитки бойцы батальона варили из всех подручных остатков органики животного происхождения, в основном из костей, копыт и кожи конской падали, которой снабжался питомник.

да» [Заводчиков, Самойлов 1970] о фронтовых девушках-саперах и их собаках-миноискателях.

168

Рис. 4. Самодельное лакомство для поощрения собак периода блокады Ленинграда.
Fig. 4. Handmade blockade-era dog treat.

Однако фотографии с передовой, сохранившиеся в семейном архиве заместителя командира воинской части 34-го Отдельного инженерного батальона Луки Степановича Рыженькина, достоверно свидетельствуют: в нартовых упряжках вожатых 34-ОИБМ на прорыве блокады Ленинграда запряжены преимущественно немецкие овчарки (рис. 5). На этом участке прорыва Елизавета Еранина в числе прочих вожатых батальона была награждена медалью «За отвагу». В этом же приказе о награждении сказано: «Военным собаководством занимается с пионерского возраста. В Красную Армию вступила добровольно»¹. К наградному листу остается добавить, что

1 ЦАМО Ф. 33, О. 682526, ЕХ. 1395, № записи 17274331. Документ оцифрован и опубликован на сайте <http://podvignaroda.mil.ru>.

в нартовой упряжке Ераниной вожаком была чистокровная немецкая овчарка по кличке Миг¹.

Рис. 5. Нартовая упряжка 34-ОИБМ на прорыве блокады.

Fig. 5. 34th Battalion dog sled team on operation Iskra to break the blockade.

169

Немецкая советская. Все идет по плану

Сельскохозяйственная отрасль разведения племенных и пользовательских собак, а также лошадей в сталинском СССР довольно долго оставалась последним рубежом защиты научных истин в сфере генетики, фенотипики и генеалогии². В коннозаводство и служеб-

1 Немская овчарка Миг и ее вожатый, сапер Е.А. Самойлович-Еранина не только вошли в число рекордистов Ленинградского фронта по числу обнаруженных и обезвреженных мин, но и были делегированы на первую послеблокадную выставку собак в сентябре 1944 г., состоявшуюся на стадионе «Динамо» в Ленинграде.

2 Породные животные условно подразделяются на племенных и пользовательских. Племенные животные — это элитный воспроизводящий состав из наиболее ценных высокопородных экземпляров, задачей которых является воспроизводство и улучшение породных качеств животных пользовательских, то есть поступающих людям для их прямого использования, служебного или же продуктивного.

ное собаководство лысенковщина долго не была вхожа: эти отрасли народного хозяйства курировались военными ведомствами. Слишком очевидным для любого стороннего наблюдателя (не говоря уже о военспецах-инспекторах) был грандиозный разрыв между результатами рабочих испытаний лошадей и собак культурной селекции и низкой работоспособностью особей беспородных, полученных в результате случайного, бессистемного скрещивания. «Яровизации» собаки тоже не поддавались, и вырастить густую удлиненную шерсть методом закаливания на короткошерстном добермане было невозможно¹.

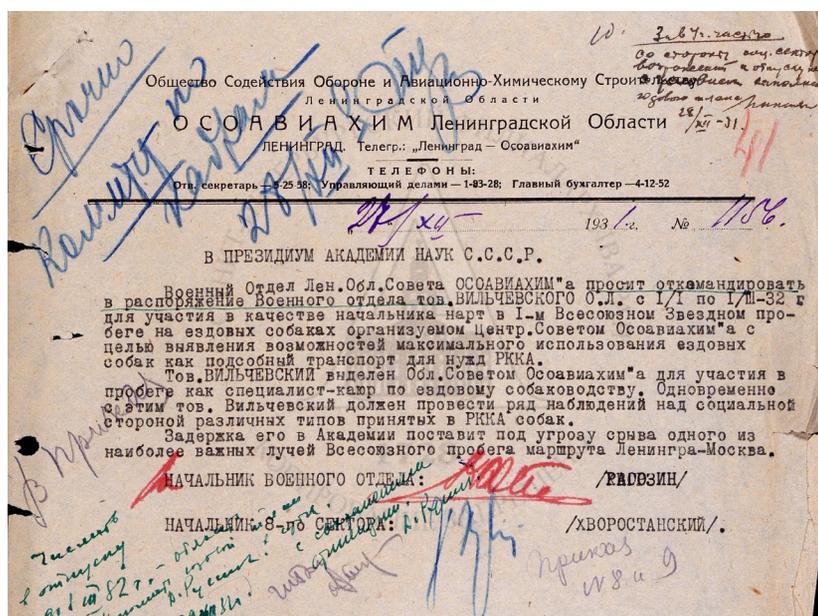
170 Большой удачей для собаководства в начале 1930-х годов было то, что Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) возглавлял Николай Вавилов, а породное собаководство прямо попадало в этот сегмент народного хозяйства. Фундаментальная для своего времени книга «Генетика и разведение собак» [Ильин 1932] была опубликована Государственным издательством сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы именно в те годы, когда ее автор, профессор Николай Александрович Ильин, заведовал Научно-исследовательской кинологической лабораторией Центральной школы военного собаководства РККА.

К 1932 г. перспективы развития отрасли породного собаководства были уже четко обрисованы: «Упорно двигаясь вперед и повышая свою генетическую грамотность, мы будем работать для успешной социалистической реконструкции собаководства как части всего народного хозяйства СССР» [Ильин 1932: 162]. В это время в СССР были предприняты масштабные государственные испытания нескольких породных групп собак для изучения их физических возможностей и социальных способностей в условиях, приближенных к военным. Так, 28 декабря 1931 г. в президиум Академии наук СССР поступил запрос от Военного Леноблсовета Осоавиахима²: военный

1 В Германии чистопородность животных культурной селекции была пропагандистами возведена в ранг расовой чистоты по аналогии с расовой теорией и «превосходством арийской расы» [Saraiva 2016: 104; Sax 1997]. В то же время, в сталинском Советском Союзе принятая теория становления пород опиралась на марксистский подход, акцентирующий внимания на труд: «Постепенно, медленным эволюционным путем культивировалась собака, усложнялись к ней требования человека, изменялись породы и усложнялась ее работа, но всегда и неизменно человек получал только пользу» [Языков 1928: 26–27].

2 Учрежденное в 1927 г., Осоавиахим, «Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству», ставило перед собой задачи повышения обороноспособности страны и воспитания патриотов [Никонова 2010].

отдел просил откомандировать товарища Вильчевского Олега Людвиговича «для участия в качестве начальника нарт в Первом Всесоюзном пробеге на собаках»¹. Филолог и член Ленинградского клуба служебного собаководства со дня его создания, Вильчевский был назначен начальником пробега с задачей провести «ряд наблюдений над социальной стороной различных типов принятых в РККА собак» (рис. 6).

171

Рис. 6. Запрос от Военного Леноблсовета Осоавиахима в президиум Академии наук СССР. 1931.

Fig 6. Osoaviakhim Military Department request to the presidium of the Academy of Sciences USSR. 1931.

Результаты испытаний и серии научных экспериментов такого рода показали: в Советском Союзе отсутствовала отечественная порода служебных собак, обладающая универсальным набором всех искомых качеств, обеспечивающих пригодность к множеству прикладных дисциплин, принятых на вооружение в РККА. Из всех пород культурной и народной селекции, разводимых

1 СПбФ АРАН Ф.222 Оп.2 Ед. хр.79 Л.10. Документ был обнаружен и впервые продемонстрирован научному сообществу Анжеликой Победоносцевой Кая в докладе «Военный востоковед О.Л. Вильчевский» на конференции «XLIII Лавровские чтения. Кавказ и Центральная Азия: этнография, антропология, фольклористика» 28 мая 2019 г. в МАЭ РАН.

на тот момент в СССР, приоритетной для РККА была названа немецкая овчарка. Именно эта порода была повсеместно поднята на щит как символ собаководческих секций Осоавиахима, как собака-боец, советская героическая собака, бдительно стоящая на страже всех внутренних и внешних границ социалистического отечества.

172 Раскрученный маховик государственной агитационной кампании в поддержку собаководства создавал убедительные примеры рабочих возможностей служебной собаки. В кинофильме «Джультбарс» [Шнейдеров 1935] виртуозная работа дрессировщиков и авторов сценария наделила овчарку Джультбарса не только ревностным патриотизмом, но и недюжинным интеллектом. Этот фильм подавал пример истинного трудового партнерства служебной собаки и честных советских граждан. «О чем может мечтать настоящая пионерка, любящая собак? — вспоминала Еранина. — Конечно, о немецкой овчарке. Немецкая овчарка — это предел мечтаний юного собаковеда» [Типикина 2005: 5]. Такие мечты планомерно подогревались и сбывались в соответствии с идеологическим влиянием и возможностями учреждений сталинского СССР. В 1936 г. «настоящая пионерка», девочка-ленинградка Лиза Самойлович получила в подарок от старшего брата своего первого клубного щенка немецкой овчарки, которого она назвала, конечно же, Джультбарсом. Выращенный Лизой Самойлович, он сдал на отлично все экзамены по дрессировке и участвовал с хозяйкой во всесоюзных соревнованиях, где команда ленинградского Клуба юного собаковеда стала чемпионом СССР. Джультбарс Лизы был мобилизован на военную службу во время советско-финской войны. За образцовое воспитание этой собаки Лиза Самойлович была премирована высокопородным щенком по кличке Миг, ее будущим фронтовым напарником.

Практика раздачи наиболее ценных породистых собак в руки опытных собаководов-любителей отнюдь не была расточительством. Напротив, она целиком опиралась на научно обоснованные методики ранней социализации собак. Было экспериментально доказано, что собаки, с раннего возраста выращенные в семье или при постоянном поступлении новых впечатлений, имели гораздо более высокие социальные способности, более выраженную устойчивость к раздражителям и были менее подвержены стрессам, чем собаки, выращенные в вольерах закрытых ведомственных питомников [Выржиковский, Майоров 1933].

«Работа собаки была всегда основана на преданности человеку, верно делящей с ним лишения и нужду» [Языков 1928: 26]. Всеволод Языков, автор этой фразы, автор пяти главных советских учебников и книг о служебном собаководстве довоенной поры, автор фун-

даментального учебника «Курс теории дрессировки собак. Военная собака» был репрессирован в пору Большого террора и незаслуженно забыт на полвека [Зубко 1996]. Однако именно этому человеку советское собаководство очень многим обязано. Уже в 1928 г. Языков сумел оценить тот нескончаемый ресурс возможностей, который давало служебному собаководству вовлечение в дело гражданских лиц, любителей собак: «Ввиду сравнительной ограниченности бюджета СССР и невозможности ассигнования значительного кредита, необходимого для расширения этого нового дела, было бы желательно для привлечения к работе и материальной помощи широких масс населения организовать Всесоюзное общество друзей служебной собаки, сделав его одной из секций Осоавиахима» [Там же: 241]. При непосредственном участии Всеволода Языкова к середине тридцатых годов была создана государственная плановая система служебного собаководства с централизованным управлением, в которую вошли не только специализированные военные школы и ведомственные питомники, но и гражданские лица — собаководы-любители. Они содержали, разводили и дрессировали служебных собак по рекомендованным методикам и строго в соответствии с планами, утвержденными руководством клубов служебного собаководства.

173

Привлечение большого числа гражданских лиц в служебное собаководство на добровольной основе позволило в короткие сроки создать мощную резервную базу племенного поголовья военных собак, состоявшего из учтенных породистых животных, сосредоточенных в личном владении. Государственная стандартизация требований, предъявляемых одновременно и к таким племенным собакам, и к собаководам-любителям, позволила как системно улучшать пользовательское поголовье самих породных собак, так и унифицировать уставные навыки дрессировки, приобретенные их хозяевами в клубных школах и секциях. Фундаментом системы выращивания и дрессировки собак по предписанным правилам стало учение о рефлексах физиолога Ивана Петровича Павлова. А четкая плановая система выводов молодняка, проверок, испытаний и соревнований позволяла учитывать итоговые результаты по стандартизированной шкале, минимизируя разногласия в суждениях о качестве поведения животных.

Советская почва — самая твердая почва. Всемирная проблема стандартизации

Советские учебники и практические методички довоенных лет настаивали на отмене субъективного подхода и прочей невозво-

лительной «кустарщины» в вопросах, касающихся дрессировки военных собак. Субъективным ощущениям и чувствам дрессировщика теория дрессировки Языкова противопоставила научно-объективный подход, опирающийся на учение об условных и безусловных рефlekсах. Такой подход, пишет Языков, позволяет направлять «поведение животного независимо от субъективных („душевных“) переживаний, так часто ведущих к ошибкам. [...] дрессировка становится на твердую научно обоснованную почву» [1928: 9].

174 Поиск научно-объективных методов, позволяющих рационально объяснить и организовать жизнь по унифицированным требованиям всеобщей стандартизации, и сегодня лежит в основе экономических процессов современного индустриального мира. Однако все попытки рационально подойти к вопросам стандартизации поведения животных неизбежно упирались (и упираются) в невозможность прогнозировать их индивидуальные поведенческие особенности. Одно дело — стандартизировать форму тары или расчетное время погрузки стандартных ящиков. Совсем другое дело — стандартизировать индивидуальные биологические особенности: живые существа, даже отвечающие желательным породным стандартам, не только рождаются разными внутри одной породы, но каждое из них наделено индивидуальным характером и собственной волей, которая не поддается обезличенному «стандарту». Даже результаты повторяемых опытов, полученных на группах лабораторных мышей, прямо зависели от того, как к ним относились их лаборанты [Despret 2004].

С поведением служебных собак дело обстоит еще сложнее: от животного требуется не только проявление видоспецифичной поведенческой реакции, но и способность выполнять сложные и согласованные с вожатым действия. Проблема научно-объективной оценки поведения животных неоднократно становилась камнем преткновения в практике использования служебных собак. В начале — середине XX века европейские государства привлекали дрессировщиков с собаками на военные и полицейские службы. Но эти попытки неизбежно упирались в неразрешимую проблему: разрозненные частные «субъективные ощущения», следуя которым дрессировали собак европейские специалисты, не позволяли обобщить полученные результаты в единый научно-объективный метод, что, в свою очередь, не позволяло государственным военным ведомствам создавать единые методики обучения собак и вожатых.

Кроме того, оставался важный вопрос: чем является служебная собака? Бесстрастным инженерным приспособлением или эмоциональным другом-компаньоном своего человека, субъектив-

но трактующего поведение своей собаки? Более ста лет об этом не смолкают дебаты. В начале XX века в Великобритании и ее колониях споры о научно-объективной доказуемости результатов работы собак неоднократно ложились в основу прений об использовании в суде доказательств, полученных в случае применения собак-ищейек [Blum 2017]. Этот же вопрос был вынесен на повестку в США почти сто лет спустя [Braverman 2013]. Проблема в разных капиталистических странах имела одни и те же корни: западные подходы к отбору и дрессировке служебных собак базировались на частном мнении дрессировщиков [Pearson 2016: 480] и на личной привязанности между проводником и его собакой [Kirk 2014: 8]. Но правительства, формирующие оборонные бюджеты, требовали отчетной стабильности, статистической однообразности повторяемых результатов и не считали возможным рисковать жизнями граждан, полагаясь на неподтвержденный личный опыт и на «недостовверную» и «темпераментную природу собак» [Kirk 2014: 12].

Проверено, мин нет

175

Англия и США, союзники в антигитлеровской коалиции и будущие враги Советского Союза в холодной войне, также пытались привлечь собак к поиску взрывчатых веществ во время Второй мировой войны. Но и английские, и американские попытки провалились, а на советском Параде победы в Москве торжественно маршировала целая колонна фронтовых саперов с собаками. В чем же была разница подходов к решению задачи использования собак — детекторов взрывчатки? Системная разница заключалась как раз в наличии (или же в отсутствии) научно-объективных методов, применимых к принципам организации кинологической службы поиска мин.

Англичане закупами собак у частных владельцев и обучали их поиску взрывчатки. Некоторый успех был достигнут: собаки опытных дрессировщиков обозначали искомое вещество достаточно стабильно. Но была и веская причина, не позволившая Англии взять кинологическую минорозыскную службу на вооружение: собаки английских тренеров находили мины, но дрессировались бессистемно, «субъективно». Английские собаки обучались навыку поиска взрывчатки приемами, исходящими из разрозненного личного опыта и собственных привычек каждого из дрессировщиков. Разномастные варианты такой субъективной трактовки полученных результатов не могли быть обобщены в единый метод и потому не были приняты на вооружение [Kirk 2014: 5-18].

В США вплоть до 1970-х годов и вовсе не могли выбрать главенствующей методики для дрессировки собак — детекторов взрывчатки. В качестве одного из методов американские дрессировщики пытались прибегнуть к выработке у собак «объективно видимого» условного рефлекса, связанного с распознаванием запаха взрывчатки и базирующегося на инстинкте самосохранения. В ходе таких экспериментов собак опытной группы подвергали воздействию слабого электрического разряда при обнаружении ими запаха тротила. Итог был предсказуем: в боевых условиях, где все окрестности были насквозь пронизаны запахом взрывчатки, собаки наотрез отказались работать, впав в тревожное состояние [Waller 1958: 32]. Попытки воздействия на обучаемых собак приемами парапсихологии и мысленного внушения, хотя и были оплачены грантом военного ведомства, в итоге так и остались историческим курьезом [Kirk 2014: 22].

176

Советская военная служба разминирования начиная с лета 1943 г. уже методично работала уставным порядком на всех направлениях фронта. Военные инструкции жестко регулировали кадровый состав, распорядок работы и рационы собак, правила их содержания в военно-полевых условиях. Устав службы поиска мин регламентировал: число собак, включенных в инженерные батальоны; способы расположения вожатых на поле; расстояние, на котором должно происходить обезвреживание взрывчатки; время непрерывной работы боевого расчета «вожатый — собака»; порядок контроля качества участков разминирования [Игнатъев и др. 2011: 38–40].

Подготовка и обучение собак-миноискателей в РККА опирались все на ту же «научно-объективную методику» павловского учения о рефлексах. Советская «научная объективность» объективно успешно работала. В военном отчете по разминированию Ленинградского фронта на 1944 год приведена статистика: «40% из общего количества обнаруженных сюрпризов на Ленфронте было обнаружено при помощи собак-миноискателей» [Игнатъев и др. 2011: 114]. В условиях трехлетнего позиционного противостояния густота минирования территорий по обе стороны фронта нередко бывала сплошной, а инженерная изобретательность противоборствующих сторон создавала виды минного оружия, неподвластные войсковым приборам-металлоискателям (рис. 7)¹.

1 Корпус деревянной противопехотной мины нажимного действия периода ВОВ поднят с Синявинских высот и подарен авторам статьи летом 2019 г. Максимом Буриловым, бойцом поискового отряда «Обелиск 92/2». Такие мины не могли быть обнаружены войсковыми приборами-миноискателями: деревянный корпус мины не звенел, а при обнаружении мины

Рис. 7. Корпус деревянной противопехотной мины с участка Ленинградского фронта.

Fig. 7. Wooden anti-personnel mine used on the Leningrad front.

177

Два года спустя «Руководство по дрессировке и применению собак минорозыскной службы» сообщало: «Широкое применение собак минорозыскной службы в саперных частях, отдельных ротах и отдельных инженерных батальонах миноискания дало возможность за период Отечественной войны обнаружить при помощи собак свыше двух миллионов различных мин, МЗД, фугасов и боеприпасов» [Заводчиков 1946: 3]. Остается добавить, что сплошное разминирование территорий инженерными батальонами миноискателей с применением собак-детекторов продолжалось в Ленинграде до 1951 г. Всего же на фронтах ВОВ и в первые послевоенные годы служебными собаками советских саперных подразделений обнаружено свыше четырех миллионов взрывоопасных предметов.

саперным щупом ее механизм часто срабатывал. Использование на Ленинградском фронте минорозыскных собак увеличило среднюю скорость разминирования участков фронта в 8-10 раз, смертность среди личного состава саперов снизилась в разы. Супруга Максима, ныне покойная Ирина Жуковская, майор ОМОН, заведовала отрядом кинологической службы в Санкт-Петербурге и лично подготовила нескольких успешных служебных собак, аттестованных по службе поиска и обнаружения взрывчатых веществ.

Любовь за скобками, но без любви нельзя

Остаются главные вопросы: почему в довоенном сталинском Советском Союзе оказалось возможным выстроить настолько эффективную систему служебного собаководства? Как образ научной объективности павловского учения о рефлексах, принятый на вооружение РККА, способствовал этому? Сами командиры, инструкторы, дрессировщики РККА были весьма далеки от того, чтобы рассматривать служебную собаку как механический прибор или как существо, лишенное эмоций и личной воли, чье поведение выстраивается прямолинейно лишь уставной системой выработки условных рефлексов. Все фильмы и книги, газетные публикации о служебных собаках той поры говорят об их верности, сообразительности и старательности.

178

Ответ на эти вопросы кроется в самой логике советской социалистической хозяйственной системы, создавшей обширное резервное поголовье собак в руках собаководов любителей. Принцип централизованного планирования советского клубного служебного собаководства позволял предоставлять (и продавать) породистых собак в «личное» пользование, не отпуская их в «частное» владение. На первый взгляд, личная собственность похожа на частную: закон гарантирует гражданам право их личную собственность продавать и покупать, пользоваться ею, передавать ее по наследству. Тем не менее правовая суть юридических определений частной и личной собственности в корне различаются: личная собственность не может быть отделима от социалистической, как частная отделима от общественной (публичной). Она является составляющей всеобщей хозяйственной системы социалистической собственности [Черкаева 2018].

На практике это означает, что личная собственность (служебная собака, состоящая на учете клуба) поручалась советским гражданам только как часть всеобщего социалистического хозяйства. За ее сохранность, обучение и развитие владелец нес личную ответственность перед обществом и страной. При этом система поощряла стремления граждан улучшать свои материальные, социальные и эмоциональные активы, а рост личных активов в свою очередь укреплял и приумножал всю совокупную социалистическую собственность. У собаководов-любителей Осоавиахима была обособленная ячейка в централизованной системе распределения прав, возможностей и обязательств: их собак могли в приказном порядке мобилизовать на действительную службу (как был мобилизован Джульбарс Ераниной), могли наделить дополнительным пайком, хозяев наделяли льготными условиями содержания в квартирах и правом провоза собаки в трамваях. Личные собаки

поступали в плановое воспроизводство, а щенки по фиксированным ценам продавались другим членам клуба служебного собаководства, что было немалым материальным подспорьем¹. Наконец, клубы Осоавиахима давали своим членам серьезные возможности для личного карьерного роста: увлеченный любитель получал социально значимые рабочие специальности: клубного зоотехника, инструктора-дрессировщика, судьи по экстерьеру или рабочим качествам.

И теперь о главном: образ научной объективности павловского учения о рефлексах позволил советской системе служебного собаководства подвести к уставному единообразию все правила выращивания и начальной подготовки военных собак. Эта система форматировала и навыки самих собаководов, обучавшихся приемам дрессировки по единым уставным программам. Унификация программ дрессировки на всей территории страны давала возможность незамедлительной замены вожатых в случае их выбытия из строя: собаки, выдрессированные по единообразным методикам, быстро распознавали команды управления, поданные новым вожатым².

И в то же время личные собаки советских собаководов-любителей были семейными любимцами: ими гордились, им радовались и доверяли, их журили, с ними разговаривали. Любовь к животным во всем ее многообразии никак не возбранялась владельцам собак, наоборот: «Юный натуралист, культурный пионер не может не любить животных» [Языков 1938: 15]. Иными словами, на вопрос, является ли военная собака инженерным имуществом, техническим приспособлением, объектом социалистической собственности или же субъектом действия, то есть

- 1 Стоимость щенка служебной породы в довоенном СССР была сопоставима со средней зарплатой рабочих. Твердые цены на щенков устанавливались органами местного самоуправления Осоавиахима по рекомендованной тарифной сетке и на 1939 год составляли «от сук с оценкой „отлично“ [...] 100 руб. От сук с оценкой „очень хорошо“ и „хорошо“ [...] 75 руб.» [Норицын 1939: 69]. Таким же образом регулировалась стоимость вязки племенного кобеля.
- 2 Советский устав гласил: «В случае убытия вожатого из строя он заменяется другим из состава того подразделения, в котором используются собаки» [Медведев, Голованов, 1958, с. 41]. В то же время в Англии «категорически утверждалось, что собака должна быть поставлена в пару к одному проводнику, предполагая, что она будет работать только с этим „хозяйном“. Интерсубъективные отношения были настолько важны, что любое нарушение этого правила, даже если другой солдат просто гладил или приветствовал собаку, рассматривалось как серьезный военный проступок» [Kirk 2014: 8].

другом, напарником, сослуживцем своего человека, существом, наделенным собственной волей, советская социалистическая система централизованного распределения и личной собственности отвечала: служебная собака одновременно является и тем, и другим.

Взаимная приязнь советского владельца и его собаки никак не нарушала строгого образа научной объективности. Напротив, любовь к животным, понимание поведения животных и всяческое поощрение межвидовой приязни были заложены в государственный план как та обязательная часть, которая по умолчанию прилагалась к делу военного собаководства и без которой все это дело неминуемо бы застопорилось. Это касалось не только личных клубных, но и строевых собак в ведомственных питомниках и воинских частях, то есть животных, полностью принадлежавших государственной военной системе: «Успех дела военного собаководства в целом и эффективность применения собак в войсках обеспечиваются прежде всего правильным подбором личного состава в подразделения военного собаководства. В эти подразделения должны отбираться люди, имеющие склонность к работе с собаками и любящие животных» [Медведев, Голованов 1958: 40].

180

Послесловие

Елена Типикина получила своей членский билет в 1985 г. и числится членом клуба служебного собаководства до настоящего времени. Прежде привилегированное звание собаковода-служебника уже давно не сулит никаких преференций ни самой Елене, ни другим заводчикам или владельцам собак служебных пород¹. Но в середине 1980-х Елена еще успела застать клубную собаководческую систему во всем административном великолепии этого отлаженного отраслевого аппарата. Она с увлечением влилась в клубную деятельность на правах владельца перспективной породистой собаки, которую ей предстояло выдрессировать по двум обязательным дисциплинам, подготовить к выставкам и получению племенной оценки, без чего служебная собака не могла быть включена в официальный зоотехнический план разведения.

1 В последний раз клубными привилегиями Елене удалось воспользоваться в 1992 году: клубная секция организовала ежемесячную продажу мясных обрезков с мясокомбината для своих членов, владельцев собак породы ризеншнауцер. Очередь за обрезками занимали с раннего утра.

Первым клубным наставником Елены был немолодой и очень опытный военный дрессировщик, прошедший с собаками Отечественную войну. Под его руководством молодая собака Еленой была качественно выдрессирована, и все экзамены были сданы. В клубе тех лет все было еще очень всерьез: авторитеты начальника и породных специалистов оставались непререкаемыми. Без преувеличения можно сказать, что на излете советской поры служебное собаководство в Ленинграде было серьезным институтом власти, распределения, контроля и карьерного роста, дающего владельцам собак помимо удовлетворения своего интереса еще и ощутимые денежные дивиденды.

В 2003 г. клуб праздновал свой юбилей, совпавший с 300-летием Петербурга. Это было чрезвычайно любопытное время стыковки отмирающего с возникающим. Документ, с которого началось наше исследование, в день юбилейного банкета был вынут Еленой Типикиной (имеющей неистребимую привычку копаться в старом хламе) из мусорного мешка, набитого бумагами и вынесенного в кладовку из кабинетов, подготовленных к косметическому ремонту. Теперь, по прошествии времени, халатное отношение к ценным историческим реликвиям многим старожилам клуба представляется досадным промахом, как и небрежное отношение к уникальному документу. К сожалению, такова подлинная история найденного документа: в XXI веке он утратил статус бесценной клубной святыни и только чудом не оказался безвозвратно утрачен для истории.

181

Итак, из мусорного мешка поочередно были вынуты оригинал довоенной фотографии начальника клуба Петра Заводчикова с его собственноручной подписью на обороте; сложенный вчетверо лист уличной афиши первой послеблокадной выставки служебных собак, состоявшейся 20 августа 1944 г. на стадионе «Динамо», и пожелтевшая от времени учетная карточка щенка немецкой овчарки, родившегося в блокадном Ленинграде. В тот вечер Елена утаила от коллег свою находку. Афишу, напротив, сразу же вернула клубу. Ветхая уличная афиша сегодня известна историкам в одном-единственном экземпляре, и в настоящий момент ее оригинал медленно разрушается под воздействием дневного света на стене в кабинете нового начальника.

Учетная карточка блокадного щенка теперь уже в безопасности: в день 70-летнего юбилея рождения блокадных щенков, 28 ноября 2013 года, она была торжественно передана нами на хранение в Государственный архив академического института ЗИН РАН, где и хранится по сей день.

Авторы искренне благодарят всех, кто в разные годы нашей работы над темой собаководства в блокадном Ленинграде помог нам в поиске материалов для этого исследования, допустил к семейным архивам и поделился интересными находками. Выражаем признательность Наталье Ераниной, Крониду Рыженькину, Владимиру Гриценко, Анжелике Победоносцевой Кая, Виталию Головатенко, Максиму Бурилову, Татьяне Ивановой, Андрею Соколову.

Библиография / References

Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. (2009) *Русская православная церковь в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов*, М.: Изд. Крутицкого подворья «Общество любителей церковной истории».

— Vasil'eva O.Ju., Kudryavtsev I.I., Lykova L.A. (2009) *Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War 1941-1945. Collection of documents*, М.: Krutitsy Metochion "Church history society". — in Russ.

Выржиковский С.Н., Майоров Ф.М. (1933) Материалы к вопросу о влиянии воспитания на склад высшей нервной деятельности собак. *Труды Физиологических лабораторий имени академика И.П. Павлова*, Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. Т. 5: 171-92.

— Vyrzhikovskij S.N., Majorov F.M. (1933) Materials toward the Question of the Influence of Upbringing upon the Formation of Higher Nervous Activity in Dogs. *Works of the Physiological Laboratory Named after the Academician I.P. Pavlov*, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1933. Vol. 5: 171-92. — in Russ.

Головатенко В. (2003) Труды и дни Николая Дмитриевича Успенского. В. Головатенко (ред.), *К 100-летию со дня рождения Николая Дмитриевича Успенского*, Санкт-Петербург.

— Golovatenko V. (2003) The works and life of Nikolai Dmitrievich Uspenskii. V. Golovanteko (ed.), *For the 100-year anniversary of Nikolai Dmitrievich Uspenskii's birth*, Spb. — in Russ.

Заводчиков П.А., Мульдевич В.Г., Орлов А.П. (1946) *Руководство по дрессировке и применению собак минорозыскной службы*, М.: Воениздат.

— Zavodchikov P.A., Mul'devich V.G., Orlov A.P. (1946) *Manual for the Training and Use of Dogs of the Mine-Detection Service*, М: Voennoe Izdatel'stvo Narodnogo Komissariata Oborony SSSR. — in Russ.

Заводчиков П.А., Самойлов Ф. (1970) *Девичья команда*, Л: Лениздат.

— Zavodchikov P.A., Samoilov F. (1970) *Girls' team*, L: Lenizdat. — in Russ.

Зубко В.Н. (1996) Кинолог Языков. *Пограничник*, 5: 83.

— Zubko V.N. (1996) Cynologist Yazykov. *Border guard*, 5: 83. — in Russ.

Игнатъев П.В., Коршунов Э.Л., Рупасов А.И. (2014) Разминирование местности на Северо-Западе Российской Федерации, 1944-2013: документы и материалы.

Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 8.: СПб: Воен. акад. Генерал. штаба Вооружен. сил Рос. Федерации, НИИ (воен. истории), Науч.-исслед. отд. (воен. истории Сев.-Зап. региона РФ).

— Igantiev P.V., Korshunov E.L., Rupasov A.I. (2014) Demining Areas on the North-West of the Russian Federation 1944–2013: Documents and Texts. *Works of the Science-Research department of the Institute of Military History.* Vol. 8, SPb: Voен. Akad. General. Shtaba Vooruzhen. Sil. Ros. Federatsii. — in Russ.

Ильин Н.А. (1932) *Генетика и разведение собак : Генетич. введение в кинологию*, М.: Гос. изд-во. с.-х. и колхоз. кооп. лит-ры.

— Il'in N.A. (1932) *Dog genetics and breeding: a genetic introduction to cynology*, М: Sel'skokhozyaistvennaya i kolkhozno-kooperativnaya lit. — in Russ.

Медведев Г.П., Голованов В.В. (1958) *Наставление по дрессировке и применению военных собак*, М.: Воен.изд. Мин. оборон. СССР.

— Medvedev G.P., Golovanov V.V. (1958) *Instructions for Training and Use of Military Dogs*, М: Voенное izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1958. — in Russ.

Никонова О.Ю. (2010) *Воспитание патриотов. Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.)*, М.: Новый хронограф.

— Nikonova O.Ju. (2010) *Bringing up patriots: Osoaviakhim and the military preparedness of the population in the Ural province (1927–1941)*, М: Novyi khronograf. — in Russ.

Норицын С. (1939) *Службное собаководство: Программы, положения инструкции*, Москва: Редиздат ЦС Осоавиахима СССР.

— Noritsyn S. (1939) *Service-dog husbandry: Programs, regulations, instructions.* М: Redizdat CC Osoaviakhim SSSR. — in Russ.

Стойков В. (2000) Актовая речь, посвященная памяти заслуженного профессора СПбДА Н.Д. Успенского. *Христианское чтение*, 19: 21–38.

— Stoikov V. (2000) Keynote dedicated to the memory of the honored SPb Seminary professor N.D. Uspenskii. *Christian reading*, 19: 21–38. — in Russ.

Типикина Е. (2005) Нас осталось мало. *Лев* (2): 5–8.

— Tipikina E. (2005) Few of Us Are Left. *Lev*, no. 2: 5–8. — in Russ.

Типикина Е. (2014) Забытое дело Победы. *Секретные Материалы*, 20–21 (406–407).

— Tipikina E. (2014) Forgotten case in the story of Victory. *Classified files*, 20–21 (406–407). — in Russ.

Черкаева К.А. (2018) Достоинство личности как личная собственность: Метаморфоза российских законов о порочащих сведениях, *Новое литературное обозрение*, 3 (151): 65–80.

— Cherkaev X.A. (2018) Personal Dignity as Personal Property: Metamorphosis of Russian Laws Concerning Defamation, *Novoe literaturnoe obozreniie*, 3 (151): 65–80. — in Russ.

Шнейдеров В. (1935) *Джюльбарс*. Межрабпомфильм.

— Shneiderov V. (1935) Djulebars. Mezhrabpomfilm. — in Russ.

Языков В. (1928) *Курс теории дрессировки собак: Основные понятия о научно-объективном методе дрессировки*, М.: Госиздат: отдел военной литературы.

— Yazykov V. (1928) *Course of the Theory of Dog Training: Basic Concepts of the Scientific-Objective Method of Training*, М: Gosizdat. — in Russ.

Языков В. (1937) *Юный собаковод*, М.: ЦС Союза Осоавиахим СССР.

— Yazykov V. (1937) *Young Dog-Handler*. Moscow: Osoaviakhim SSSR. — in Russ.

Яров С.В. (2013) *Повседневная жизнь блокадного Ленинграда*, М.: Молодая гвардия.

— Yarov S.V. (2013) *Everyday life of blockade Leningrad*, М: Molodaia gvardiya. — in Russ.

Blum B. (2017) The Hounds of Empire: Forensic Dog Tracking in Britain and Its Colonies, 1888-1953. *Law and History Review*, (35): 621-65.

Braverman I. (2013). Passing the Sniff Test: Police Dogs as Surveillance Technology. *Buffalo Law Review*, 61 (81): 81-167.

Byford A., Mondry H. (2015) Love, Service and Sacrifice: Narratives of Dogs and Children in the Soviet 1930s. *Australian Slavonic and East European Studies Journal*, 29 (1-2): 63-89.

Cherkaev X., Tipikina E. (2018) Interspecies Affection and Military Aims: Was there a Totalitarian Dog? *Environmental Humanities*, 10(1): 20-39.

Despret V. (2004) The Body We Care for: Figures of Anthro-Zoo-Genesis, *Body & Society*, 10 (2-3): 111-34.

Kirk R. (2014) In Dogs We Trust? Intersubjectivity, Response-Able Relations, and the Making of Mine Detector Dogs. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 50 (1): 1-36.

Pearson C. (2016) Between Instinct and Intelligence: Harnessing Police Dog Agency in Early Twentieth-Century Paris. *Comparative Studies in Society and History*, 58 (02): 463-490.

Saraiva T. (2016) *Fascist Pigs: Technoscientific Organisms and the History of Fascism*, Cambridge: MIT Press.

Sax B. (1997) What is a "Jewish Dog"? *Society and Animals*, 5 (1): 3-21.

Waller A. (1958) Dogs and National Defense, *Department of the Army Office of the Quartermaster General*.

Рекомендация для цитирования:

Черкаева К.А., Типикина Е.Н. (2019) Межвидовая любовь помимо устава: служебные собаки Ленинградского фронта и их вожатые-саперы. *Социология власти*, 31 (3): 159-185.

For citations:

Cherkaev X.A., Tipikina E.N. (2019) Interspecies Love Beyond the Field Guide: Mine-Detection Dogs and their Handlers on the Leningrad Front. *Sociology of Power*, 31 (3): 159-185.

Поступила в редакцию: 06.08.2019; принята в печать: 16.10.2019

Received: 06.08.2019; Accepted for publication: 16.10.2019